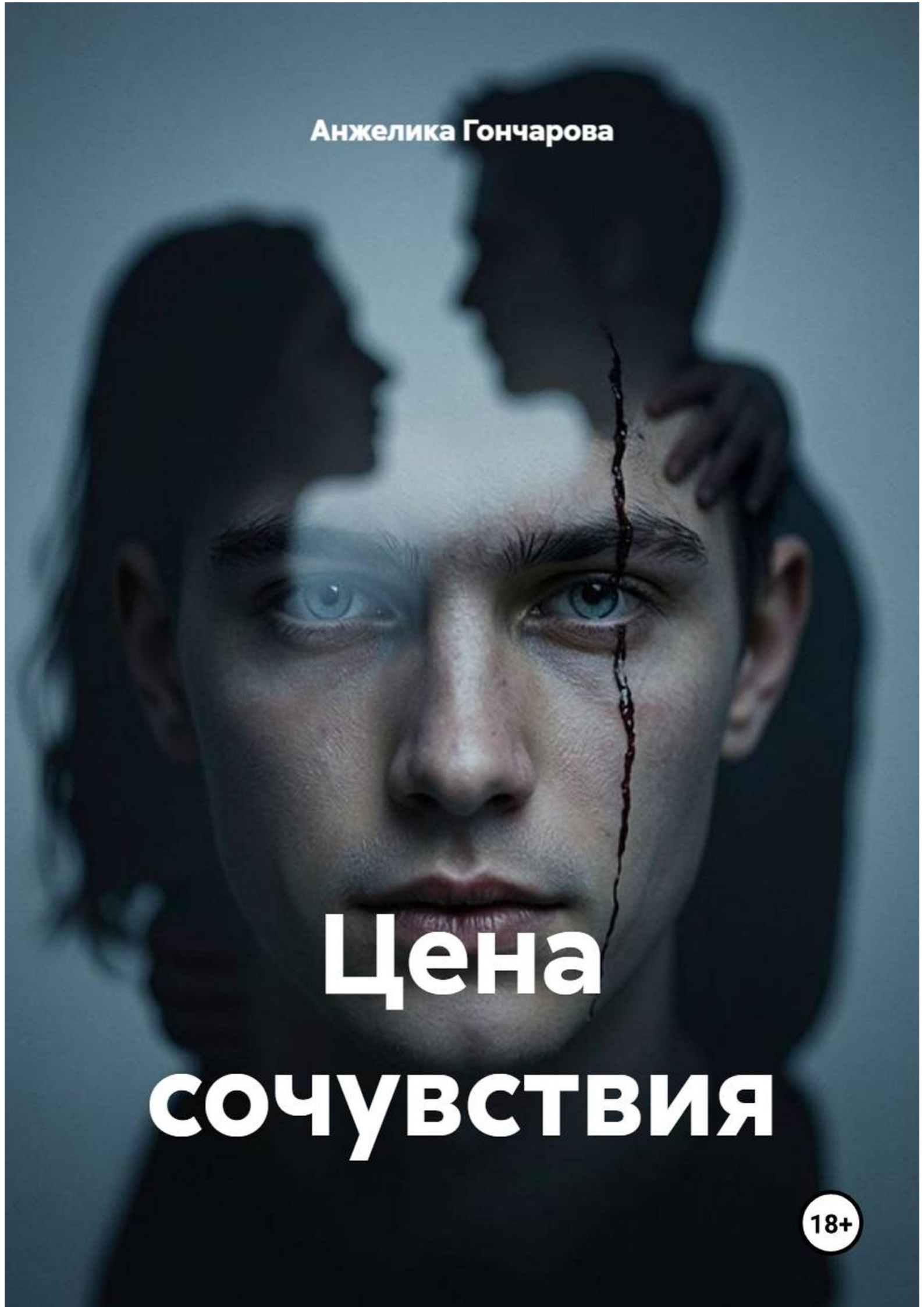

Анжелика Гончарова
Цена сочувствия
18+

Анжелика Гончарова

Цена сочувствия

«Автор»
2026

Гончарова А.

Цена сочувствия / А. Гончарова — «Автор», 2026

«Цена сочувствия» — завершение киберпанк-трилогии «Эмпат», истории о мире, где эмоции стали валютой, а человеческие чувства — самым дорогим товаром на чёрном рынке.Ева вернулась из двери. Но не одна. С ней — связь с сущностью, древней и одинокой, которая живёт в тоннелях под городом. Сущность не злая. Она просто не умеет отпускать. И она зовёт Еву. Каждую секунду. Каждую ночь.Каин не может это остановить. Но он может войти в дверь вместо неё. Остаться с сущностью. Научить её быть человеком. Пока она не научится отпускать. Он обещает вернуться. Через день. Через неделю. Через месяц.Но внутри двери время течёт иначе. И чем дольше Каин там, тем меньше помнит, кто он. Что он чувствовал. Кого любил. Сущность учится быть человеком — но ценой его памяти. Ценой его самого.«Цена сочувствия» — это история о том, что даже пустой сосуд можно наполнить. Если рядом есть кто-то, кто готов отдать всё. И о том, что иногда цена сочувствия — это всё, что у тебя есть.

© Гончарова А., 2026
© Автор, 2026

Анжелика Гончарова
Цена сочувствия

Цена сочувствия

Глава 1. Эхо

Месяц после того, как дверь закрылась.

Я приходил к ней каждый день. Утром — до работы. Вечером — после. Иногда ночью, когда не мог уснуть. Спускался в тоннели, садился на холодный бетон, прикладывал ладонь к металлу. И ждал.

Стук начинался не сразу. Иногда через минуту. Иногда через час. Но он всегда был. Три удара. Пауза. Три удара. Пауза. Как сердцебиение. Как метроном. Как единственное доказательство, что она ещё там.

Люк расшифровал ритм на третий день. Сказал, что это не код. Это азбука Морзе, адаптированная под вибрации. Ева стучала одно и то же слово снова и снова.

«Не одна».

Я не знал, что это значит. С ней Ноль? С ней то, что за дверью? Или она говорила мне, что я не один? Я не спрашивал. Просто слушал.

Мастерская Миры изменилась. Люк починил кофейный автомат — теперь он варил почти настоящий кофе, горький, с запахом жжёных зёрен. Мира открыла второй филиал в секторе А-2 — для богатых клиентов, которые хотели чинить чипы без очереди. Дела шли в гору. Марк приходил по вечерам, пил кофе и говорил о политике. Люк паял. Мира считала кредиты.

Я сидел в углу и смотрел в стену.

— Ты должен жить дальше, — сказала Мира однажды. — Она бы не хотела, чтобы ты так себя закапывал.

— Знаю.

— Тогда почему ты продолжаешь?

— Потому что она там.

Мира вздохнула. Не спорила. Знала, что бесполезно.

Каждый вечер я спускался в тоннели. Дорога была знакомой — лестница, ржавые перила, тёмный коридор, зал с дверью. Я проходил мимо старых лабораторий Вейна, мимо пустых камер, мимо символов на стенах. Они больше не светились. Дверь была серой, мёртвой. Но тёплой.

Я садился на бетон. Прикладывал ладонь к металлу. Ждал.

Стук приходил. Всегда.

— Я здесь, — говорил я. — Я слышу.

Иногда я рассказывал ей, как прошёл день. Что Люк снова обжёг руку. Что Мира нашла нового поставщика чипов. Что Марк пытается убедить совет не повышать цены на эмоции. Что дождь идёт уже неделю и в мастерской протекает крыша.

Она слушала. Я знал. Стук становился тише — как будто она прижималась к двери с той стороны.

Однажды вечером я сидел у двери дольше обычного. Не знаю, сколько прошло времени — час, два, три. Я говорил с ней о матери. О том, как она продала последнее воспоминание обо мне. О том, что я так и не простил её. О том, что теперь понимаю — она делала это не со зла. Просто не могла иначе.

И тогда стук изменился.

Три удара. Пауза. Три удара. Пауза. Потом — быстрее. Громче. Как будто она торопилась.

Я прислушался. Ритм сбился. Теперь это было не «не одна». Что-то другое. Я не мог разобрать.

— Ева? — позвал я. — Что случилось?

Стук повторился. Быстрее. Громче. Как будто она стучала изо всех сил.

Я приложил обе ладони к двери. Металл был горячим.

— Ева!

И тогда дверь ответила. Не стуком. Голосом. Тихим, слабым, но её голосом.

— Каин... — прошептала она. — Оно просыпается. Сейчас.

Я бросился наверх. В мастерскую. Люк сидел за столом, разбирал чипы. Мира считала кредиты. Марк пил кофе.

— Она говорила со мной, — сказал я.

Все замерли.

— Что? — Люк отложил паяльник.

— Ева. Она говорила. Голосом. Через дверь. — Я пытался отдышаться. — Она сказала: «Оно просыпается. Сейчас».

Мира побледнела.

— Это значит...

— Это значит, что дверь снова активна. И сущность просыпается. — Я посмотрел на них. — Нам нужно вернуться. Сейчас.

Люк встал.

— Я возьму сканер.

— Я с тобой, — сказала Мира.

Марк поставил кружку.

— И я.

Мы спустились в тоннели вчетвером. Дверь ждала нас в том же зале. Но теперь она выглядела иначе. Символы на ней снова светились — тускло, но заметно. Гул вернулся. Тихий, низкий, вибрирующий.

— Она активна, — сказал Люк, глядя на сканер. — Вибрации усилились. В три раза.

Я подошёл к двери. Приложил ладонь. Горячо.

— Ева! — позвал я. — Я здесь!

Ответа не было. Только гул.

— Ева!

Тишина.

Люк посмотрел на сканер.

— Вибрации меняются. Как будто что-то движется внутри. Что-то большое.

— Оно просыпается, — сказала Мира.

Я ударил по двери кулаком.

— Ева! Ответь!

И тогда дверь открылась.

Не полностью. Щель. Тонкая, как трещина. Из неё повалил тёплый воздух. Пахло чем-то сладким. Знакомым.

И голос. Слабый. Но её.

— Каин... — прошептала она. — Помоги.

Глава 2. Внутри

Дверь была приоткрыта на ладонь. Из щели шёл тёплый воздух — влажный, сладковатый. Я стоял перед ней, и сердце колотилось где-то в горле.

— Каин, — сказал Люк за спиной. — Не надо.

— Она позвала.

— Это может быть ловушка.

— Может. — Я обернулся. — Но если я не войду, она умрёт.

Люк молчал. Мира стояла рядом, бледная. Марк держал чип-сканер, но не смотрел на него.

— Если ты не вернёшься через час, — сказала Мира, — мы уходим.

— Договорились.

Я шагнул в дверь.

Внутри было не темно. И не светло. Что-то посередине — как в сумерках, когда солнце уже село, но небо ещё не почернело. Пространство было странным: не было ни пола, ни стен. Только ощущение движения. Как будто я шёл по воде.

— Ева! — позвал я.

Голос утонул в тишине. Но через секунду я услышал ответ.

— Каин?

Её голос был слабым, но это был её голос. Я пошёл на звук. Медленно, осторожно.

Она сидела на чём-то, похожем на бетонный блок. Рядом — Ноль. Она выглядела старше, чем я помнил: лицо осунулось, руки покрыты тонкими трещинами, как фарфор. Но она была жива.

Ева бросилась ко мне. Обняла. Крепко.

— Ты пришёл, — прошептала она.

— Пришёл.

— Я думала, ты не услышишь.

— Я слышал. Каждый день.

Она отстранилась. Посмотрела на меня. В её глазах были слёзы.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.

— Ты тоже.

Она засмеялась. Слабо, но по-настоящему.

Ноль подошла к нам. Медленно, опираясь на стену.

— Каин, — сказала она. — Спасибо, что пришёл.

— Как ты?

— Держусь. — Она улыбнулась. — Пока.

— Что здесь происходит? — спросил я. — Ты сказала, оно просыпается.

— Да. — Ева посмотрела в темноту. — Оно просыпается. Мы держали его вдвоём — я и Ноль. Но мы слабеем. Оно сильнее, чем мы думали.

— Что это?

— Не знаю. — Ева помолчала. — Оно говорит с нами. Показывает вещи. Свою жизнь. Своё прошлое. Оно было здесь очень долго. Одно.

— Оно злое?

— Нет. — Ноль покачала головой. — Оно не злое. Оно просто не умеет... отпускать. Оно держит нас, потому что не хочет быть одно.

Я посмотрел в темноту. Где-то там было что-то. Большое. Древнее. Одинокое.

— Я хочу с ним поговорить, — сказал я.

Ева посмотрела на меня.

— Ты уверен?

— Да.

Она кивнула. Взяла меня за руку.

— Тогда идём.

Мы шли через темноту. Ева впереди, я за ней, Ноль замыкала. Воздух становился теплее. Сладкий запах усилился.

— Оно там, — сказала Ева. — За поворотом.

Мы вышли в круглый зал. В центре — сердце. Огромное, пульсирующее, из чёрного стекла. Внутри что-то двигалось — медленно, как жидкость. Оно было тусклым — не чёрным, а серым, как пепел.

— Это оно? — спросил я.

— Да.

Я подошёл ближе. Сердце пульсировало в такт с моим. Я чувствовал его тепло.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал я. — Я хочу поговорить.

Тишина. Потом голос. Не один. Много. Мужские, женские, детские. Все говорили одновременно, но слова складывались в одно предложение.

«Ты пришёл. Ты — тот, кто её любит».

— Да.

«Ты хочешь её забрать».

— Да.

«Почему я должен отпустить её?»

Я задумался. Долго.

— Потому что она не твоя. Она — своя. И она хочет уйти.

«Она не говорила этого».

— Она боится. Ты держишь её. Она не может сказать.

Тишина. Сердце пульсировало медленнее.

«Я не хочу быть один. Я был один так долго. Ты не понимаешь».

— Понимаю. — Я сел на колени перед сердцем. — Я был один всю жизнь. До неё. Я знаю, что это такое.

«Ты врёшь».

— Нет. — Я посмотрел на Еву. Она стояла рядом, держала меня за руку. — Я был сборщиком. Я забирал эмоции у других, потому что не мог справиться со своими. Я был пустым. Как ты. Только ты — древнее. А я — просто человек.

Сердце дрогнуло. Что-то изменилось в воздухе.

«Ты хочешь остаться? Со мной?»

Ева сжала мою руку сильнее.

— Каин, — прошептала она.

Я посмотрел на неё. Потом на сердце.

— Если это освободит её — да.

Глава 3. Торг

Сердце пульсировало медленно. Тусклое, серое, оно казалось уставшим — как человек, который слишком долго не спал.

«Ты предлагаешь себя, — сказало оно. — Взамен на неё».

— Да.

«Почему?»

— Потому что она нужна другим. Люку. Мире. Городу. Мне.

«Ты умрёшь. Или станешь пустым. Как я».

— Знаю.

Ева дёрнула меня за руку.

— Каин, нет. — Её голос дрожал. — Я не позволю.

— Это не твой выбор.

— Это мой выбор! — Она встала между мной и сердцем. — Ты не можешь жертвовать собой ради меня. Я не хочу так.

— А я не хочу, чтобы ты умерла здесь. — Я посмотрел на неё. — Ты держала дверь месяц. Ты слабеешь. Если ты останешься, ты умрёшь.

— Может быть. Но это моя жизнь.

— И моя. — Я взял её за плечи. — Ева, послушай. Я был пустым всю жизнь. До тебя. Ты дала мне что-то, чего у меня никогда не было. Если я могу отдать это обратно — я отдам.

— Я не хочу, чтобы ты отдавал.

— Знаю. Но это моё решение.

Она смотрела на меня. Долго. В её глазах были слёзы.

— Ты идиот, — прошептала она.

— Знаю.

— Самый большой идиот в этом городе.

— Знаю.

Она отвернулась. Отошла в сторону. Я посмотрел на сердце.

— Я готов, — сказал я.

«Не так быстро, — сказало оно. — Я не хочу тебя. Ты не ключ. Ты не пустой. Ты — живой. Мне нужно другое».

— Что?

«Я хочу, чтобы вы показали мне. Что такое — быть с кем-то. Не держать. Не забирать. Просто... быть».

Я замер.

— Что это значит?

«Останьтесь. Оба. На время. Не навсегда. Пока я не пойму. Пока я не научусь отпускать».

Ноль подошла к нам. Медленно, опираясь на стену.

— Ты хочешь, чтобы мы стали твоей семьёй? — спросила она.

«Не знаю, что это слово. Но, может быть, да».

Ева посмотрела на меня. Потом на Ноль. Потом снова на сердце.

— Сколько времени?

«Не знаю. Может, день. Может, неделя. Может, больше».

— А если мы не сможем?

«Тогда я отпущу вас. Но не раньше, чем пойму».

Ева молчала. Я видел, как она думает. Как взвешивает.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Мы останемся.

— Ева... — начал я.

— На время. — Она посмотрела на меня. — Не навсегда. Мы дадим ему то, что оно хочет. И уйдём.

Я посмотрел на сердце. Оно пульсировало быстрее. Как будто ждало.

— Хорошо, — сказал я. — Мы останемся.

Сердце вспыхнуло. Свет залил зал. И темнота отступила.

Мы оказались в комнате. Не в тоннелях. В комнате. С окнами. С кроватью. Со столом. Как будто кто-то создал её из наших воспоминаний.

— Что это? — спросил я.

«Ваш дом, — сказало сердце. — Пока вы здесь. Я хочу понять».

Ева села на кровать. Медленно. Посмотрела на окно. За ним был город — не настоящий, но похожий. Огни. Дождь.

— Это странно, — сказала она.

— Да.

Ноль подошла к столу. На нём стояла кружка. Она взяла её. Посмотрела.

— Это моя кружка, — сказала она. — Из мастерской. Я пила из неё чай.

«Я вижу ваши воспоминания. Я создаю то, что вам знакомо».

Ноль поставила кружку. Села на пол. Обхватила колени.

— Оно пытается, — сказала она. — Это... мило.

— Мило? — переспросил я.

— Оно не умеет. Но пытается.

Ева встала. Подошла ко мне.

— Что мы будем делать?

— Не знаю. — Я посмотрел на неё. — Жить. Как обычно.

— Как обычно?

— Готовить. Разговаривать. Спать. — Я помолчал. — Быть вместе.

Она посмотрела на меня. Долго.

— Хорошо, — сказала она. — Давай попробуем.

Крючок главы: Они остались внутри. Сущность создала для них комнату. Она хочет понять, что значит «быть с кем-то». Но сколько это продлится? И что будет, когда она поймёт?

Глава 4. Первый день

Комната была странной. Не плохой — просто странной. Окна выходили на город, которого не было. Дождь шёл, но не касался стекла. Свет был мягким, как в сумерках. На столе стояла кружка с чаем — горячим, хотя никто его не наливал.

Ева сидела на кровати. Смотрела на окно.

— Я не понимаю, — сказала она. — Это всё ненастоящее?

«Настоящее, — сказало сердце. — Но не такое, как снаружи. Я создаю то, что вы помните. Что вам знакомо».

— Значит, это мои воспоминания?

«Наши. Я вижу вас. Всех. Я беру то, что вы помните, и делаю... это».

Ноль сидела на полу, обхватив колени. Она смотрела на кружку.

— Ты взяло мою кружку, — сказала она. — Из мастерской. Я пила из неё чай. Каждый день.

«Да. Ты помнишь это. Я тоже».

— Ты тоже?

«Я вижу твои воспоминания. Они стали моими. Немного».

Ноль помолчала. Потом сказала:

— Это странно. Но... не плохо.

Я сел на стул. Он был старый, скрипучий — точно такой же, как в мастерской Миры. Я провёл рукой по спинке. Дерево. Настоящее.

— Ты можешь создавать вещи? — спросил я.

«Не вещи. Воспоминания. Я беру то, что вы помните, и делаю это... осязаемым. Пока вы здесь».

— А если мы уйдём?

«Тогда всё исчезнет. Комната. Кружка. Всё».

Ева встала. Подошла к окну. Коснулась стекла. Оно было холодным.

— А город? — спросила она. — Он настоящий?

«Нет. Это воспоминание. Твоё. Ты видела его с крыши. Я взяло это».

Ева помолчала.

— Красиво.

«Тебе нравится?»

— Да.

«Хорошо. Я хочу, чтобы вам нравилось».

Мы провели там весь день. Или то, что казалось днём. Свет не менялся. Дождь не прекращался. Но мы делали обычные вещи. Ева пыталась готовить — на плите, которая появилась из ниоткуда. Ноль читала книгу — ту самую, которую Ева нашла на барахолке. Я сидел на стуле и смотрел на них.

Это было странно. Как будто мы вернулись в мастерскую. Но не совсем. Здесь не было Миры. Не было Люка. Не было Марка. Только мы втроём. И сущность.

— Оно наблюдает, — сказала Ноль, не поднимая головы от книги.

— Знаю, — сказал я.

— Это... неприятно?

— Немного.

«Я не хочу мешать, — сказало сердце. — Я просто смотрю. Учусь».

— Чему? — спросила Ева.

«Как вы разговариваете. Как вы едите. Как вы... касаетесь друг друга. Я не понимаю, зачем».

Ева отложила ложку. Посмотрела в пустоту.

— Мы касаемся, потому что хотим быть ближе. Это... способ сказать, что мы не одни.

«Но вы и так не одни. Вы вместе».

— Да. Но касание делает это... настоящим.

Тишина. Сердце пульсировало медленнее.

«Я не касался никого. Никогда».

Ноль отложила книгу. Посмотрела на Еву. Потом на меня.

— Может, нам стоит попробовать? — сказала она.

— Что?

— Показать ему. — Ноль встала. Подошла к сердцу. — Ты можешь создать что-то, что мы можем коснуться? Что-то, что будет тобой?

Сердце молчало. Потом в центре комнаты появилась фигура. Не человек. Что-то похожее на тень. Но с очертаниями. Как будто ребёнок нарисовал человека, не зная, как.

— Это ты? — спросила Ноль.

«Не знаю. Я не знаю, как выгляжу».

Ноль подошла к фигуре. Медленно. Протянула руку. Коснулась.

— Ты холодный, — сказала она. — Но не ледяной.

«Это плохо?»

— Нет. — Ноль улыбнулась. — Просто холодный.

Она взяла фигуру за руку. Потянула к Еве.

— Иди сюда.

Ева подошла. Взяла фигуру за другую руку.

— Мы здесь, — сказала она. — Ты не один.

Фигура дрогнула. Свет в комнате стал ярче. Дождь за окном стих.

«Я... чувствую, — сказало сердце. — Что это?»

— Это тепло, — сказала Ноль. — Это когда ты не один.

Глава 5. Второй день

Утром — или тому, что казалось утром, — комната изменилась. На стенах появились рисунки. Детские, кривые: солнце, дом, три фигурки, держащиеся за руки. Как будто кто-то рисовал углём.

— Это ты? — спросил я.

«Да, — сказало сердце. — Я видел, как дети рисуют. В воспоминаниях. Я попробовал».

Ева подошла к стене. Коснулась рисунка.

— Красиво.

«Правда?»

— Да. Только солнце должно быть жёлтым.

«Я не знаю, какой цвет у солнца. Я никогда его не видел».

Ева помолчала.

— Оно тёплое. Как... как чай. Или как рука.

«Я не понимаю».

— Я знаю. Но ты учишься.

Завтрак был странным. На столе появились тарелки с едой — но не той, что мы помнили. Что-то похожее на яичницу, но слишком идеальную. Что-то похожее на хлеб, но слишком ровное. Сущность пыталась recreate то, что видела в наших воспоминаниях. Получалось почти.

— Это... неплохо, — сказала Ноль, жуя.

«Я старался. Я видел, как вы едите. Я сделал так же».

— Ты не ел?

«Я не могу есть. Я не человек».

Ноль отложила вилку.

— Ты можешь научиться.

«Как?»

— Не знаю. Но, может, если ты попробуешь...

Тишина. Потом на столе появилась ещё одна тарелка. Пустая. Фигура — та самая, из тени — подошла к столу. Села. Взяла вилку. Медленно, неуклюже, как ребёнок.

Она поднесла вилку ко рту. Остановилась.

«Я не знаю, что делать дальше».

— Просто положи в рот, — сказала Ева. — И жуй.

Фигура положила. Пожевала. Остановилась.

«Это... странно».

— Вкусно?

«Не знаю. Я не чувствую вкуса. Но текстура... интересная».

Ноль засмеялась. Тихо, но по-настоящему.

— Ты учишься, — сказала она. — Это главное.

К вечеру сущность стала смелее. Она создала музыку — тихую, странную, как будто кто-то играл на инструменте, которого не существовало. Она создала свет — мягкий, тёплый, как закат. Она создала запах — дождя и мокрого асфальта.

— Это мои воспоминания, — сказала Ева. — Запах дождя. Я помню его с крыши.

«Да. Ты любишь дождь».

— Люблю.

«Я тоже. Теперь».

Она сидела на кровати, обхватив колени. Смотрела на фигуру, которая стояла у окна. Тень становилась плотнее. Реальнее. Как будто сущность училась быть.

— Ты становишься больше, — сказала Ноль.

«Да. Я учусь. Чем больше я понимаю, тем больше становлюсь».
— Это хорошо?
«Не знаю. Я не хочу быть один. Я хочу быть с вами».
Ноль помолчала.
— Мы не можем остаться навсегда.
Фигура замерла. Свет в комнате дрогнул.
«Почему?»
— Потому что у нас есть жизнь снаружи. Люди, которые ждут. Каин. Люк. Мира.
«Но вы нужны мне».
— Мы вернёмся. На время. Но не навсегда.
Тишина. Долгая. Потом фигура отвернулась.
«Я не хочу».
Ева встала. Подошла к ней.
— Я знаю. Но так надо.
«Почему?»
— Потому что мы не твои. Мы — свои. И мы должны вернуться.
Фигура молчала. Свет стал тусклее. Музыка стихла.
— Оно расстроилось, — прошептала Ноль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.